В.В. МАШКОВЦЕВА

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА АЛЕКСАНДРА II В 1860-Е ГОДЫ И РАЗВИТИЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВА (НА МАТЕРИАЛАХ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В законодательной системе периода царствования Николая I преобладали жёсткие меры, направленные на борьбу со староверием. Акцент делался на силовое решение проблемы. Закон предписывал разыскивать «ересеначальников» (духовных руководителей старообрядцев), уничтожать места богослужений, скиты, монастыри поборников старины, закрывать их школы. Согласно постановлению от 10 июня 1853 г. в тех населённых пунктах, где проживали старообрядцы, надлежало усилить городскую и земскую полицию (1). Серьёзное дискриминационное ограничение по отношению к староверам содержало и гражданское законодательство. В частности, не признавались законными браки старообрядцев, а дети, рождённые в них, не обладали правами наследования (2).

Законодательство 1825–1855 гг. предусматривало и ограничение прав старообрядческого клира. Это касалось даже вопроса именования старообрядческих служителей культа. Их запрещалось называть священниками, а предписывалось именовать «остающийся у раскольников поп, или исправляющий у раскольников духовные требы» (3). Было ограничено и передвижение старообрядческого духовенства. Его представителям запрещалось переезжать из одного уезда в другой и тем более из губернии в губернию с целью отправления духовных треб, совершения богослужений (4).

В значительной степени было скорректировано законодательство, регулировавшее функционирование старообрядческих молелен. В частности, надлежало оставлять без изменений молит-

Машковцева Виктория Вячеславовна – к.и.н., Вятский государственный гуманитарный университет, г. Киров

венные дома староверов, построенные до 17 сентября 1826 г., однако строить вновь «что-либо, похожее на церкви», производить ремонт старых часовен не разрешалось (5).

В период правления Николая I было ужесточено и уголовное законодательство. В состав XV тома Свода законов вошло Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, введённое в действие 1 мая 1846 г. Данный нормативный акт даёт представление о системе наказаний, которым подвергались приверженцы «древнего благочестия». Самое жёсткое из них – лишение всех гражданских прав и ссылка на поселение. К нему приговаривались лица, виновные в распространении старообрядческого (и сектантского) вероучения. «Уклонившиеся в раскол» направлялись для увещевания и вразумления к духовному начальству (6). Староверы, второй раз уличённые в «совращении в раскол» православных, приговаривались к пожизненной ссылке в Закавказский край или в отдалённые места Сибири (7).

Законом было запрещено издание старопечатных книг не в московской синодальной или единоверческой типографии, их продажа, распространение и приобретение. Преступившему закон надлежало заплатить денежный штраф. Лица, трижды совершившие данное правонарушение, подвергались заключению в тюрьму на срок от 3 до 6 месяцев (8).

Таким образом, наличие в уголовном законодательстве данных юридических норм свидетельствует о том, что старообрядчество в России было гонимой конфессией. Как справедливо отметила О.П. Ершова, вся правовая система, направленная на искоренение староверия, носила «ограничительно-запретительный и карающий характер» (9).

На наш взгляд, ужесточение конфессиональной политики царского правительства не привело к ожидаемым результатам. Количество старообрядцев не только не уменьшилось, но, напротив, значительно возросло: к 1855 г. их численность достигла примерно 12 млн. человек, что составляло 1/8 часть населения России (10).

Поражение России в Крымской войне 1853–1855 гг., обострение социальных антагонизмов, ухудшение экономического положения государства привели новое руководство страны к мысли о необходимости проведения радикальных преобразований во всех

сферах общественной жизни. Александр II не только отменяет крепостное право, развивает местное самоуправление, модернизирует вооружённые силы, но и много внимания уделяет совершенствованию судебной системы и законодательства. Обострение общественно-политической ситуации в стране, наблюдавшееся в конце 50—начале 60-х годов XIX в., подталкивало его к серьёзным правовым уступкам различным социальным категориям и конфессиональным группам, в том числе и старообрядцам. Это ознаменовало начало нового этапа государственно-старообрядческих отношений. Для решения проблемы староверия Александр II избрал не гонения и притеснения, а «глубокое и всестороннее изучение раскола и постепенное подавление его путём народного просвещения» (11).

Показательно, что с изменением в сторону смягчения правительственного курса в отношении старообрядцев меняют свою позицию и многие высшие чиновники. Так, П.И. Мельников, некогда активный участник организации преследования староверов, в одной из последних докладных записок министру внутренних дел писал, что старообрядчество должно «со временем уничтожиться, когда просвещение проникнет в низшие слои народа. Перед светом общечеловеческого образования не устоять расколу, если не будут воздвигать на него новые преследования и новые гонения» (12).

Действительно, с воцарением Александра II правительство всё больше внимания стало уделять развитию образования, просвещения в народной среде. В миссионерских отчётах постоянно подчёркивалась мысль о том, что лучшим средством борьбы со староверием является образование народа. Уже в 60-е годы XIX в. был принят ряд нормативных актов, свидетельствовавших о смене конфессиональной политики самодержавия. В частности, закон от 27 февраля 1866 г. обязывал сельских священников «в проповедях стараться располагать крестьян к грамотности и обучению» (13). В семинариях отменялось преподавание таких дисциплин, как медицина, сельское хозяйство, естественная история. Вместо вышеперечисленных предметов вводилось изучение педагогики как науки, более необходимой священнослужителям для общения с прихожанами.

Согласно законам 1 и 14 марта 1866 г. для улучшения содер-

жания духовных учебных заведений из государственного казначейства была выделена в качестве пособия сумма в 1 млн. 500 тыс. руб. Официальные власти значительные надежды возлагали теперь на духовенство, его просветительскую и миссионерскую деятельность. Местные священники должны были укреплять православных в истинности их веры и увещевать «уклонившихся в раскол». При этом отметим, что закон предписывал производить все назидания, увещевания перешедших из лона Русской Православной Церкви в старообрядчество «без отвлечения их от мест жительства и от обыкновенных трудов и занятий» (14). Вероятно, духовные власти осознавали, что отвлечение крестьян от их повседневных забот влечёт за собой недовольство и лишь усиливает негативное отношение к синодальной церкви и её священнослужителям.

В целях активизации миссионерской деятельности, утверждения основ православия создавались церковные братства. Закон «О правилах для учреждения православных церковных братств» был издан 8 мая 1864 г. С благословения епархиального архиерея и разрешения начальника губернии братства основывались при церквах и монастырях. На территории Вятской губ. активно действовало 2 таких братства: Вятское епархиальное братство святителя и чудотворца Николая и Сарапульское Вознесенское братство. Через организацию бесед православных служителей культа со староверами, распространение брошюр, книг, направленных на обличение старообрядчества, устройство библиотек, открытие школ и обучение детей (как православных, так и староверов) братства вносили свой вклад в дело просвещения народа. Они служили «нуждам и пользам» православной церкви, препятствовали «посягательствам на ее права со стороны иноверцев и раскольников» (15).

Каждое братство имело свой устав, где обозначались цели его создания, условия деятельности и обязанности членов. Причём данные органы не имели права расширять свои полномочия, выходить за пределы ограниченного в уставе круга действий и использовать «взыскания» или меры принудительного характера, являвшиеся компетенцией правительственной власти. Таким образом, братства, находившиеся в ведении духовного начальства, подчинялись и контролю со стороны светских властей.

Правительство же ограничивало сферу их деятельности рамками благотворительности и просвещения среди старообрядцев и тем самым предотвратило «превращение братств в органы с полицейскими функциями» (16).

Несомненно, отказ от притеснений и гонений старообрядцев, акцент на просвещении народа и миссионерской деятельности официальной церкви – свидетельства либерализации конфессиональной политики царского правительства. К таковым следует отнести и дарование староверам права получать гильдейские свидетельства и записываться в купечество. Наконец, старообрядцы, не принадлежавшие к «особенно вредным сектам», согласно постановлению от 29 ноября 1863 г., могли исполнять общественные должности волостного и сельского управления государственных крестьян. Исключение представляли должности волостного головы и сельского старшины, избираться на которые разрешалось только сторонникам Русской Православной Церкви. Данное постановление распространялось на великороссийские и западные губернии, где часть населения составляли старообрядцы, а другую – адепты официального православия (17).

Важность данного нормативного акта обусловлена тем, что ранее, до 1863 г., староверы «вредных сект» и вообще отвергающие священство (то есть все, кроме поповцев) назначались лишь в полесовщики, десятские и сторожа. Однако следует отметить и определённое ограничение прав старообрядцев: в законе оговаривалось, что при выборах на ту или иную общественную должность предпочтение необходимо отдавать приверженцам господствующей церкви.

В феврале 1864 г. для решения проблемы староверия по инициативе Министерства внутренних дел был создан Особый временный комитет по делам о раскольниках. Возглавил его министр юстиции граф Б.Н. Панин. Труды комитета после рассмотрения их Московским митрополитом Филаретом 16 августа 1864 г. утвердил император Александр II. Отметим, что в ходе деятельности Комитета была разработана новая классификация старообрядческих толков, согласно которой выделялись секты «более или менее вредные». К числу первых относились те, которые, вопреки вероучению официальной церкви, не признавали пришествия в мир Исуса Христа, отвергали святые таинства,

молитву за царя, брак, допускали «человекообожание», оскопление человека. Все остальные толки и секты признавались «менее вредными» (18). Таким образом, в основу выделения 2 направлений внутри старообрядчества было положено 6 признаков, два из которых носили гражданский характер (отношение к молитве за царя и браку) и 4 – канонический. Пользуясь данной классификацией, можно предположить, что значительная часть староверов, за исключением поповцев, попадала в разряд «более вредных сект», в отношении последователей которых не было сделано никаких уступок и облегчений.

Вероятно, широкий спектр реформ, начатых правительством Александра II в 1860-е годы, либерализация конфессиональной политики самодержавия вселили в старообрядцев надежду на возможность их полной легализации в обществе. Неслучайно в указанный период наблюдается значительное увеличение численности староверов. Вятская губ. находилась в числе тех регионов, где в 1864 г. были отмечены массовые переходы адептов официальной церкви в старообрядчество (наряду с Пензенской, Курской и Оренбургской губерниями). Оренбургский губернатор высказал следующее предположение относительно причин распространения старообрядчества: «...усилившийся слух, будто помещичьи крестьяне, с выходом из крепостной зависимости, имеют право свободно переходить в раскол и секты, правительство это дозволяет» (19). В Пензенской губ. зафиксированы случаи, когда уставщики-старообрядцы убеждали приверженцев Русской Православной Церкви, что «повеление записываться в раскольники вышло от государя императора» (20).

Аналогичные примеры встречаются и в материалах вятской истории. В частности, крестьянин починка Мальчикова Большеучинского прихода Малмыжского уезда распространял слух, будто «Государю Императору понравились раскольнические молельни или часовни и он в 1859 г. издал указ: не теснить раскольников, и православные, если пожелают спасти душу свою, могут записываться в старую спасенную веру» (21). Услышав об этом, многие принимали решение перейти в старообрядчество. Например, так поступили крестьяне Николай Кобылин и Савелий Пономарев со своими семьями. Более того, староверы рассказывали крестьянам – сторонникам официального правосла-

вия, что «Государь Император их старой веры, но только до времени не хочет это обнаруживать, а желает, чтобы все переходили в старую веру ...» (22). После этого только в Большешурминской волости Уржумского уезда «отпало от православия в раскол» 11 семей.

К старообрядцам причисляли и членов царской семьи. Так, в с. Антоновском Глазовского уезда рядовой Василий Клюкин рассказывал, что «покойный цесаревич и великий князь Николай Александрович крестился по раскольническому обряду», то есть «слагал большой палец с двумя последними, безымянным и мизинцем» (23). Сам В. Клюкин будто бы видел это, находясь в карауле при высочайшем дворе.

Священник Николай Менщиков в своем рапорте духовному начальству сообщил, что в марте 1863 г. в д. Каракули Малмыжского уезда прибыл неизвестный, назвавший себя жителем д. Волково. Он привёз из Казани большое количество старопечатных книг, среди которых была некая «расписка от царя». Ссылаясь на неё, старообрядец уверял местных жителей, что «царь защищает староверов от волков никонианских, даёт им свободу верования и жизни, что церкви православные через семь месяцев запечатаются, священники сошлются на умор (вероятно, на Амур, по предположению священника. – *В.М.*)». Всем желающим спастись он советовал приобретать старопечатные книги, особенно «расписку от царя», с которою «никого не может задержать никакое начальство» (24). Николай Менщиков приводит настоящее название этой таинственной книги – «Записки Александра Б., некоторые из сочинений, написанных раскольниками в пользу раскола» (1862). Надо сказать, что такая проповедь староверия имела ожидаемые результаты: многие местные жители очень скоро объявили себя старообрядцами. Более того, две келейницы, Марфа Ефимова и Александра Онисимова, – набожные женщины, проживавшие на окраине деревни, – не просто перешли в староверие, но и преобразовали свою избу в молельню. Однако впоследствии они побывали в Казани, где посетили единоверческий храм и познакомились с учением местных старообрядцев и взглядами последователей единоверия. В результате обе женщины, по их словам, убедились в истинности последнего.

Наконец, по сведениям отдельных старообрядцев, переход в

староверие разрешался только до 1862 г. (25). Обозначение указанной временной границы, вероятно, было связанно с желанием ускорить данный процесс и увеличить его масштабы.

Отметим также, в 60-е годы XIX в. получают активное распространение подложные указы Сената, в которых говорилось о разрешении староверам открыто совершать богослужения по своим обрядам и строить молельни. В частности, у мастерового Воткинского завода Константина Крапивина протоиерей Михаил Преображенский изъял указ Правительствующего Сената управляющему Астраханской губ. Согласно данному документу, старообрядцы не должны были более преследоваться за исповедуемое ими вероучение, а преданных суду за распространение старообрядчества следовало освободить. В губерниях и городах, где численность староверов составляла не более 500 человек, «ревнителям древнего благочестия» разрешалось строить молельные дома и совершать в них богослужение по канонам дониконовской церкви. Старообрядцам надлежало также выбрать настоятелей своих общин, лиц, которые исполняли бы все религиозные обряды, таинства, духовные требы паствы. В заключении указа отмечалось, что в случае, если после его оглашения появятся желающие перейти в староверие, их не следовало предавать суду (26). Аналогичный подложный указ Сената был получен священником Иоанном Невоструевым от крестьянина с. Петропавловского Сарапульского уезда Маркела Дурыманова (27).

В 1860-е годы увеличивается количество прошений крестьян о разрешении им состоять в старообрядчестве, что подтверждается фактами как местного, так и общероссийского материала. Например, в мае 1862 г. в Святейший Синод направили ходатайства о разрешении перейти в староверие крестьяне починка Слудского Нолинского уезда Вятской губ. Фёдор и Николай Ефимовы, Андреян Штиных, Тимофей Вологжанин и др. (28). В том же году с подобной просьбой в Синод обратились крестьяне Рыбаковской и Порезской волостей Глазовского уезда (29). Как те, так и другие изначально являлись приверженцами старообрядчества, как их деды и прадеды, но вынуждены были присоединиться к Русской Православной Церкви, главным образом, «по принуждению духовенством» (30). Своё желание вернуться в староверие крестьяне мотивировали тем, что они не в состоянии

оплачивать работу православных служителей культа по совершению религиозных обрядов и отправлению духовных треб.

Аналогичная ситуация сложилась в Карсовайской волости Глазовского уезда. Там местные крестьяне, некогда старообрядцы, впоследствии ставшие адептами официальной церкви, вновь пожелали «жить по-раскольнически» и подали соответствующее прошение. Тем самым они решили избежать расходов на содержание православной церкви и её духовенства. Миссионер Василий Луппов в рапорте епископу Вятскому и Слободскому подчеркнул, что укрепил старообрядцев в правильности их намерения ложный указ, подписанный будто бы самим императором и «дозволяющий жить всякому, по какой кто пожелает вере» (31). Разумеется, распространение подобной информации затрудняло работу православных миссионеров, снижало её результативность. Данный факт констатировал священник Андрей Курбатов: «раскольники везде и всюду открыто говорят, что им ныне дана полная свобода в их вероисповедании, что правительство наконец сознало их правую веру и дозволило им жить в старине, не стесняя их; кто же после этого пойдет в православие, где все-таки надо подчиняться и быть в зависимости от священника, давать ему доходы, ходить на исповедь и ко св. причастию и проч. Тогда как раскольники от всего этого свободны; а такою свободою многие из православных, слабых в вере, соблазняются» (32).

В 1863 г. в Святейший Синод обратились крестьяне нескольких деревень Елабужского и Малмыжского уездов (Антон, Стефан и Фёдор Рассомахины, Семён Богачёв, Игнатий Ефимов, Прокопий Кузнецов и др.) с просьбой «об отчислении их со своими семействами из православия» в старообрядчество (33). Ранее они являлись староверами, как и их предки, затем «назвались православными» ввиду преследования старообрядцев со стороны духовных и светских властей. Однако в душе крестьяне не изменили своим религиозным воззрениям и хотели бы вновь исповедовать «старою веру», официально считаясь её сторонниками. Прошения вятских крестьян о разрешении им состоять в старообрядчестве поступали в Святейший Синод и в последующие годы (в частности в 1865, 1866 гг.) (34). С аналогичной просьбой к обер-прокурору обращались крестьяне Сызранской,

Симбирской губ. (35). Однако ни одно из прошений не было удовлетворено, поскольку это противоречило действовавшему законодательству.

Таким образом, в 60-е годы XIX в. появились «новые формы уклонения православных в раскол» (36). Если в более ранние периоды существования и развития староверия его сторонники старались скрыть свою принадлежность к данному религиозному течению, то в рассматриваемый период они пытались получить законное разрешение официальной власти на причисление их к старообрядчеству. Они надеялись на удовлетворение своих ходатайств и легализацию их существования. Однако этого не произошло, в связи с чем уже в конце 1860-х годов наблюдается значительное сокращение числа прошений старообрядцев, попыток перейти в староверие, не нарушая закона. Новая волна значительного увеличения численности старообрядцев наблюдается после опубликования закона 3 мая 1883 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1875. С.455.
2. Там же. С.135.
3. Там же. С.260.
4. Там же. С.90, 138, 245.
5. Обзор мероприятий Министерства внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 год. СПб., 1903. С.141.
6. Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. Т.6. М., 1988. С.217.
7. Там же. С.219.
8. Там же.
9. Ершова О.П. Развитие законодательной системы в области раскола в 50–60-е гг. XIX в. // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып.2. М., 1995. С.28.
10. Мельников П.И. Раскольники и сектанты в России // Исторический вестник. 1885. Кн.VII. С.60.
11. Обзор мероприятий Министерства внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 год. С.182.
12. Мельников П.И. (Андрей Печерский). Очерки поповщины // Собрание сочинений: В 8 т. Т.7. М., 1976. С.559.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т.XLI. Отделение первое. 1866. СПб., 1868. С.187.

14. Там же. Т. XXXVIII. Отделение второе. 1863. СПб., 1866. С.165.
15. Там же. Т. XXXIX. Отделение первое. 1864. СПб., 1867. С.409.
16. Ершова О.П. Указ. соч. С.30.
17. Собрание постановлений по части раскола. С.604.
18. Там же. С.610.
19. Записка с изложением извлеченных из дел Св. Синода и канцелярии обер-прокурора за последнее десятилетие сведений о действиях и распоряжениях духовного начальства по отношению к расколу. СПб., 1874. С.8–12.
20. Там же. С.13–15.
21. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф.582. Оп.84. Д.422. Л.1.
22. Там же. Оп.84а. Д.111. Л.1–1об.
23. Там же. Ф.237. Оп.15к. Д.547. Л.1, 8об.
24. Там же. Оп.15ж. Д.423. Л.1об.–2.
25. Там же. Оп.15д. Д.977. Л.3.
26. Там же. Д.983. Л.2об.–3об.
27. Там же. Ф.20. Оп.1. Д.1370. Л.1–4.
28. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1284. Оп.219. Д.41. Л.1–2об.
29. Там же. Ф.797. Оп.32. Д.180. Л.2–3.
30. Там же. Л.2об.
31. ГАКО. Ф.237. Оп.15д. Д.976. Л.1.
32. Там же. Д.566. Л.21.
33. РГИА. Ф.796. Оп.144. Д.1938. Л.3–4об.
34. Записка с изложением извлеченных из дел Св. Синода и канцелярии обер-прокурора за последнее десятилетие сведений о действиях и распоряжениях духовного начальства по отношению к расколу. С.39, 57, 72–74.
35. Там же. С.58–59, 66.
36. Ершова О.П. Некоторые аспекты состояния старообрядчества в России в середине XIX в. // Феномены истории: К 70-летию В.Л. Керова: Сб. статей. М., 1996. С.174.